

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.3.162

ИСТОРИОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ К.Н. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА В ОЦЕНКЕ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Показаны историософские взгляды К.Н. Бестужева-Рюмина в оценке В.О. Ключевского. С помощью герменевтической процедуры выявлена «встреча» двух подходов к осмыслению хода истории – критического (Бестужев-Рюмин) и научного (Ключевский). Критический принцип познания помог Бестужеву-Рюмину собрать воедино исследования и материалы по русской истории, оценить достоинства и недостатки мнений ученых; научный принцип познания Ключевского позволил выстроить многофакторную картину понимания исторического процесса. Сделан вывод о том, что историософские воззрения Бестужева-Рюмина отражают тенденцию плюралистического видения истории, а понимание исторического процесса раскрывается в контексте признания всемирной истории, многолинейного прогресса и значимости каждого типа культуры.

Ключевые слова: *К.Н. Бестужев-Рюмин, В.О. Ключевский, культура, история, общество, личность, многофакторность.*

Историософские взгляды исследователя прошлого представляются важными в контексте его включенности в реалии настоящего и способности осознавать место и значимость изучаемой культуры в потоке событий истории. Более двух веков, когда речь идет о философии истории, актуализируются два главных вопроса: в чем смысл истории? и как возможно знание о прошлом? Первый вопрос, как правило, связан с наиболее общими проблемами исторического бытия человека, с пониманием всемирной истории с точки зрения ее конечных целей; второй – с исторической эпистемологией и герменевтикой. Схожий дуализм теоретических концепций сохраняется и сегодня, приобретая все новые образы. Так, в недавней статье Б.Л. Губмана и К.В. Ануфриевой на примере дискуссии Ю. Хабермаса и Х.-Г. Гадамера проанализированы отличия онтологического ракурса видения этого вопроса от методологического подхода к нему [5].

Обращаясь к творчеству отечественных мыслителей, можно воспроизвести, как формировалась философия истории в российских академических кругах, на каком уровне велась полемика и какие аргументы со временем сменяли друг друга. Этим объясняется цель статьи – рассмотреть историософские взгляды К.Н. Бестужева-Рюмина (1829–1897) сквозь оценочную призму В.О. Ключевского (1841–1911).

© Михайлова Е.Е., 2024

Предлагаемый анализ взглядов одного историка сквозь призму другого уместен по двум соображениям. Первый момент: Бестужев-Рюмин являлся главой петербургской исторической школы с ее основательными историко-ведческими традициями, вокруг Ключевского складывалась московская историческая школа, фокусирующая внимание на концептуальном построении прошлого. Второй момент: Бестужев-Рюмин стоял у истоков признания плюралистического видения прошлого, Ключевский и его ученики уже реализовали многофакторную версию изложения русской истории. Таким образом, приведенные доводы позволяют надеяться, что сравнение концепций двух научных сообществ и исследовательских приемов, свойственных их представителям, окажется интересным и полезным для дальнейших исследований русской философии истории.

Историософские взгляды Бестужева-Рюмина в оценке Ключевского выявлены с помощью герменевтической процедуры, позволяющей увидеть «встречу» двух подходов к осмыслению хода истории – критического и научного. Лейтмотивом разговора могут стать слова Бестужева-Рюмина, которые он написал во введении к своей работе «Русская история», о понимании исследователем того, что его суждение может не соответствовать истине. «Лучший выход в этом случае изложение не догматическое, а критическое [курсив мой. – Авт.]. Тогда перед слушателями или читателями будет не одностороннее мнение того или другого лица, а все разнообразие мнений, развивающееся в литературе» [2, с. III].

Анализ текстов одного историка сквозь призму взглядов другого предполагает изучение двух видов текстов. Первый контент – непосредственные очерки, вышедшие из-под пера Ключевского, о творчестве и деятельности Бестужева-Рюмина. В частности, из эпистолярного архива Ключевского до нас дошли его полемические заметки по поводу публикации первого тома «Русской истории» К.Н. Бестужева-Рюмина (1872), а также некролог в память об уходе из жизни ученого. Второй контент – непосредственные сочинения обоих историков, в частности, «Русская история» К.Н. Бестужева-Рюмина, «Курс русской истории» В.О. Ключевского и его специальные курсы.

В статье, посвященной выходу в свет первого тома «Русской истории», Ключевский пытается обрисовать историко-философские воззрения Бестужева-Рюмина. По его наблюдениям, рефлексия петербургского профессора представляет собой некое триединство: историческую критику, систематизаторские усилия и «органический взгляд на развитие народной жизни» [6, т. 7, с. 362]. Концептуально такое видение истории совпадает с положениями теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. Как и автор работы «Россия и Европа» (1869), Бестужев-Рюмин воздерживается от признания одних народов историческими, а других неисторическими. В его книге по русской истории находим соответствующее высказывание: «Всеобщая история только тогда станет в полном смысле всеобщей,

когда она будет обнимать все народы, не пренебрегая и теми, которые почему-либо не успели развиваться...» [2, с. 2].

Исторический прогресс, в видении Бестужева-Рюмина, представляет собой постоянную смену культурных типов, их перманентное объединение и разъединение. По своей векторности – это не линейный процесс, а сочетание мелких линий, которые, расходясь в разные стороны, делятся своим культурным опытом и усваивают накопленные традиции других народов [2, с. 4]. По мнению Бестужева-Рюмина, жизнь народов настолько разнообразна, что трудно создать цельное представление об общем историческом развитии. Казалось бы, факторов развития культурных типов много: и их собственные начала, и приобретенные элементы, и причины, и условия протекания событий, и генеалогия, и хронология жизни народа и т. д. Все факторы смешиваются, на первый взгляд, в беспорядочном вихре и формируют образы культурных типов. Бестужев-Рюмин высказывается на этот счет так: «Но этот видимый беспорядок есть необходимое последствие органического развития жизни, которая не терпит единообразия и никогда не может развиваться по схоластической схеме, требующей неперменного наполнения рубрик в составленных ученых таблицах» [2, с. 8].

Хаос и порядок, разнообразие и единство, индивидуальные особенности и закономерные черты развития – такое дихотомийное сопоставление в текстах Бестужева-Рюмина встречается довольно часто. Настолько часто, что возникает ощущение, что плотное изучение разработок других исследователей отвлекало его от формирования собственной позиции. Однако это впечатление быстро рассеивается. У Бестужева-Рюмина обнаруживается ряд обоснованных идей. Например, о том, что каждая культура самоценна. Эту мысль из текстов Бестужева-Рюмина Ключевский выделяет особо и цитирует: «развитие человечества совершается не в преемственной передаче цивилизации, а во внесении новых сторон» [6, т. 7, с. 357]. Мысль о том, что каждый народ вносит элемент новизны в создание общего полотна культуры, облачается у Бестужева-Рюмина в различные фигуры речи. Например, он пишет: «... то, что могло бы не выразиться в жизни известного народа или известной эпохи, выразится в другом народе, в другой эпохе; то, что неполно выразилось в одном, уяснится, проявившись шире, в другом» [2, с. 2]. Устойчивое присутствие в текстах этой мысли не укрывается от глаз Ключевского. Это дает ему возможность характеризовать изложение Бестужева-Рюмина как «опыт культурной истории России в широком смысле» [6, т. 7, с. 360]. Такая оценка созвучна и современным выводам исследователей [7].

Анализируя первый том «Русской истории» Бестужева-Рюмина, Ключевский проявляет дискурсивную корректность. Он отмечает полезные и противоречивые результаты этого труда. Предвосхищая неминуемые упреки ученых, чьи разработки попали под критический прицел Бестужева-Рюмина, Ключевский встает на защиту: «Мы заметим на подобные упреки,

что такой критико-библиографический очерк появляется в нашей историографии впервые; обличая в составителе обширную начитанность и внимательность к делу, он, несмотря на сжатость своих указаний и приговоров, может послужить отличным руководством при изучении источников и научной литературы русской истории» [6, т. 7, с. 358]. Среди достоинств издания Ключевский особо отмечает два обстоятельства. Первое значение состоит в том, что обзор исследований по русской истории считается важной попыткой удовлетворить литературную потребность русского общества и растущий интерес к историческому прошлому. Второе значение относится к тому, с какой тщательностью составлен библиографический раздел и как грамотно упорядочены уже имеющиеся исследования. На этом фоне можно выявить неизученные пробелы русской истории и превратить их в проблемные задачи. По наблюдениям Ключевского, Бестужев-Рюмин соответствует образу исследователя, который «метким взором взглянет на своеобразные отношения культурных факторов в нашей истории и собственными подготовительными исследованиями восполнит часть научных пробелов, доселе остающихся в нашей историографии» [6, т. 7, с. 361].

Следует поддержать мнение исследователей о том, что Ключевский не только дал одобрительную оценку критическому изложению источников и историографическому обзору Бестужева-Рюмина, но его собственные источниковедческие представления сложились во многом под влиянием трудов петербургского историка [6, т. 7, с. 433–434]. Примечательно, что одобрительная оценка библиографического раздела «Русской истории», данная Ключевским, спустя полстолетия приобрела негативную коннотацию. По наблюдениям исследователей, советский историк Н.Л. Рубинштейн упрекал Бестужева-Рюмина за «уход в специализацию, источниковедчество» [9, с. 395]. Обоснование претензии, как видно из его книги «Русская историография», сводилось к тому, что перечисление большого числа источников и исследований имеет не познавательное, а скорее справочно-библиографическое значение.

Надо отдать должное, что и для самого Ключевского положительная оценка библиографических усилий Бестужева-Рюмина явилась лишь прелюдией перед довольно плотной критикой персонализированной позиции самого автора. На взгляд Ключевского, Бестужев-Рюмин минимизирует значение теории родового быта, объясняя происхождение и расселение восточных славян спецификой их жизненной организации в форме семейных общин. Эта ошибка, на взгляд Ключевского, влечет за собой искаженную трактовку непосредственных причин эпохи феодальной раздробленности. Как результат, происхождение и смысл удельного периода объясняется в «Русской истории» не трансформацией родовых отношений в государственные (С.М. Соловьев) и не крепостью племенной федерации (Н.И. Костомаров), а неким «переплетающимся взаимодействием многих начал» [6, т. 7, с. 354–355]. Такое объяснение со стороны автора остается не расшифрованным. Бестужев-Рюмин не видит потенциал дальнейшего развития теории

родового строя, сформулированной Соловьевым. И это выглядит по меньшей мере странным, учитывая два обстоятельства: первое – Бестужев-Рюмин не раз признавал, «какую пользу принесли ему самому лекции С.М. Соловьева, посвященные развитию исторического знания в России» [2, с. 1]; второе – среди достоинств многотомного труда московского профессора «История России с древнейших времен» (1851–1879) он особо отмечал идею «смены родовых отношений государственными» [1, с. 189].

Другим предметом критики Ключевского в адрес Бестужева-Рюмина является неоправданно преувеличенное влияние монголов на процесс складывания образа правления великокняжеской власти. Ключевский согласен, что исследователь прошлого должен учитывать чужеземные обстоятельства, в данном случае – это два века монгольского владычества над русскими землями. Однако считает, что не следует сводить органические явления внутренней жизни народа к мысли о том, что «русское понятие о царской власти есть копия с татарского представления о хане» [6, т. 7, с. 355]. Сам Ключевский объясняет формирование княжеской власти в удельный период двумя причинами – географической и политической. Процесс колонизации неосвоенных земель и желание укрыться от кочевников способствовали расселению славян в природно-удиненных локациях. Поэтому объективно, что первые князья получали в правление не готовый удел с уже обустроенным его преемниками обществом, а пустые земли для заселения. «Понятие о князе как о личном собственнике удела было юридическим следствием значения князя как заселителя и устроителя своего удела», – так объясняет Ключевский внутренние особенности складывания формы правления на Руси [6, т. 1, с. 349].

Историософские воззрения Бестужева-Рюмина организуются вокруг понятия всемирной истории. Всемирная история развивается посредством народов – «органических членов» человечества, а народы, в свою очередь, – через посредство «отдельных лиц» [2, с. 5]. Своим пытливым взглядом историк улавливает крайности, в которые впадают исследователи в вопросе о значимых личностях. И возвеличивание, и принижение их роли равным образом препятствует доказательному поиску истины [8]. Позиция самого Бестужева-Рюмина сводится к следующему: роль великих людей во многом зависит от уровня готовности общества к переменам и от удачной комбинаторики обстоятельств, воздействующих на социокультурное развитие. Он komponует свою мысль так: «Значение личности состоит в том, чтобы уметь воспользоваться обстоятельствами, подчинить их своей цели и устранить те, которые могут быть вредны для этой цели» [2, с. 6]. Кто же ставит эту цель? Как считает Бестужев-Рюмин, потребности развития вызревают в общественном сознании, а историческая личность ее формулирует и реализует. Сама по себе личность способна на понимание потребностей, но не на их реализацию. Процесс созидания может быть результатом исключительно общественных усилий, следовательно, именно общество, а не личность, должно стать предметом изучения истории.

Такая позиция наглядно иллюстрируется историческим портретом Ивана Грозного, написанным Бестужевым-Рюминым в его «Русской истории». Петербургский историк начинает с того, что подробно описывает время, предшествовавшее воцарению Ивана IV. Накал культурно-исторической ситуации середины XVI в., с ее внутренним соперничеством боярских семей в Кремле и внешнеполитическим агрессивным окружением, емко подмечен в его фразе: «Как бояре рассчитывали на слабость женского правления, так еще более на борьбу партий рассчитывали внешние враги» [1, с. 631]. В описании деяний Ивана Грозного Бестужев-Рюмин со всей очевидностью делает акцент на внешней политике. Опричнину он рассматривает попутно, без анализа и подробностей, завершая эту часть изложения даже не своей оценкой, а выводами С.М. Соловьева. Однако общий посыл остается понятным: цель правления продиктована государственными интересами, а форма осуществления власти окрашена противоречивым характером самого Ивана Грозного. Отсюда и разнообразие оценок личности царя: от современников (враждебные чувства князя Андрея Курбского) и потомков (одобрительная оценка князя И.М. Катырева-Ростовского) до историографов (сплошная противоположность, по М.М. Щербатову, двойственность, по Н.М. Карамзину). На этом фоне Бестужев-Рюмин солидаризируется с оценкой московских профессоров К.Д. Кавелина и С.М. Соловьева, связавших деятельность Ивана Грозного с его предшественниками и с состоянием общества середины XVI в. [3, с. 317].

Характеристика Ивана Грозного в оценке Ключевского имеет схожие и отличительные черты. Общим для обоих историков является отсылка к обстоятельствам детства будущего царя. Отличия видны в том, как описаны эти события: Бестужев-Рюмин идет в буквальном смысле этого слова по цитатам источников, Ключевский излагает рассказ в художественно-психологическом ключе. Из сонма реформ Бестужев-Рюмин упоминает Стоглавый собор, а Ключевский подробно анализирует состав и деятельность Земского собора. Выводы историков также разнятся. Бестужев-Рюмин завершает описание личности и деятельности царя эмоционально: «Да, глубоко трагическими являются жизнь и судьба этого замечательного человека» [3, с. 318]. В многофакторном анализе личности Ивана Грозного у Ключевского виден положительный результат (осуществил много замыслов и начинаний) и отрицательный итог (поколебал основы государственного порядка, что привело к Смутному времени) [6, т. 2, с. 186–187].

Приближаясь к обобщающей части статьи, отметим, что историософские воззрения Бестужева-Рюмина в оценке Ключевского описать однозначными характеристиками оказалось делом довольно непростым. Трудности начались с того, что оба историка не оставили после себя прямых философских сочинений [4]. Более того, оба не придавали философскому способу осмысления истории ключевого значения. В текстах Бестужева-Рюмина встречаются довольно незрелые высказывания в адрес философии.

Например, философская диссертация для него – это «род сочинений, наиболее вредный для самостоятельного развития науки и общества» [2, с. 9]. Без дальнейшего разворачивания аргументов такого склада суждения кажутся как минимум необоснованными. Схожие суждения встречаются и у Ключевского, считавшего, что философ пребывает в «отвлеченном мирозерцании», тогда как историк постоянно имеет дело с «действительными фактами жизни» [6, т. 9, с. 418].

И все же историософские воззрения Бестужева-Рюмина становятся явленными, когда погружаешься в его тексты. Историк задается вопросом о смысле истории и понимает, что от его решения зависят и все остальные: проблема содержания и форм общественного прогресса, истоки и формы смены культурных типов, границы соотношений интересов великой личности, правящего сословия и общества, вопросы источниковедческой эпистемологии и другие не менее важные темы.

Список литературы

1. Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. До эпохи Ивана Грозного. М.: Академический проект; Культура, 2015. 702 с.
2. Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история: в 2 т. СПб.: Издание Д.Е. Кожанчикова, 1872. Т. 1. 246 с.
3. Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история: в 2 т. СПб.: Издание Д.Б. Кожанчикова, 1885. Т. 2. Вып. 1. 319 с.
4. Гагаев А.А., Гагаев П.А. В.О. Ключевский. Философия русской истории / Творческое наследие В.О. Ключевского в истории, культуре и литературе: сб. ст. по мат-лам VII Межд. науч. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения В.О. Ключевского. В 2-х ч. Пенза: Изд-во Пензенского государственного университета, 2021. С. 25–29.
5. Губман Б.Л., Ануфриева К.В. Исторический опыт в герменевтической перспективе: дискуссия Ю. Хабермаса и Х.-Г. Гадамера // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2022. № 3 (61). С. 157–175.
6. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. / под. ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1987–1990.
7. Малинов А.В., Петраев С.В. Бестужев-Рюмин Константин Николаевич. 1829–1897 // Историки России. Иконография. Сборник научных статей. М.: Изд-во «Собрание», 2023. С. 86–97.
8. Мелитаури Л.Н. К вопросу об оценке творческого наследия Н.И. Костомарова в творчестве К.Н. Бестужева-Рюмина // Научный потенциал. 2020. № 3 (30). С. 121–124.
9. Тесля А.А. «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна и вопрос о месте истории Западной Руси (России) в рамках общей русской истории // Тетради по консерватизму. 2020. № 2. С. 393–399.

HISTORIOSOPHICAL VIEWS K.N. BESTUZHEV-RYUMIN IN THE EVALUATION OF V.O. KLYUCHEVSKY

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

The article analyzes the historiosophical views of K.N. Bestuzhev-Ryumin in the assessment of V.O. Klyuchevsky. Using the hermeneutic procedure, a «meeting» of two approaches to understanding the course of history is revealed - critical (Bestuzhev-Ryumin) and scientific (Klyuchevsky). The critical principle of cognition helped Bestuzhev-Ryumin to collect together studies and materials on Russian history, to evaluate the advantages and disadvantages of the opinions of scientists; the scientific principle of cognition of Klyuchevsky allowed him to build a multifactorial picture of understanding the historical process. It is concluded that the historiosophical views of Bestuzhev-Ryumin reflect the tendency of a pluralistic vision of history, and the understanding of the historical process is revealed in the context of the recognition of world history, multilinear progress and the significance of each type of culture.

Keywords: *K.N. Bestuzhev-Ryumin, V.O. Klyuchevsky, culture, history, society, personality, multifactoriality.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

MIKHAILOVA Elena Evgenyevna – PhD, Prof., Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.08.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 25.08.2024.